

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10018

УДК (UDC) 82-1/-9

***Elena A. Shuvaeva-Petrosyan,
The Literary Institute after A. M. Gorky,
Moskow, Russia***

***For citation: Shuvaeva-Petrosyan E.A., (2018).
Andrey Bitov in the landscape.
Cross-Cultural Studies: Education and Science.
Vol.3, Issue II, pp. 64-69 (in USA)
Manuscript received: 04/21/ 2018
Accepted for publication: 06/13/2018
CC BY 4.0***

АНДРЕЙ БИТОВ В ПЕЙЗАЖЕ

ANDREY BITOV IN THE LANDSCAPE

Abstract

The Russian writer Andrey Bitov devoted his entire life to a single genre – the genre of travelling, creating journey-stories and wandering-novels, while he worked on one book. As he confessed, he was always writing and not writing at the same time, and if we take in all his works on the basis of the time covered, it is but a few years. Yet all his life was a journey and a daily analysis of the interplay of the internal and external, of the past and future, of time and space. He was a true traveler, an observer, not a tourist, but at one with nature and space. Nature in Bitov's works is a separate character. The article is dedicated to reviewing the images of nature in Andrey Bitov's "travelling" works.

Keywords: *Landscape in literature, the image of nature, artistic space and time, wandering, travel. Andrey Bitov, Russian writer, Russian literature*

Введение

Если бы не страсть к страннической жизни, смог бы Андрей Георгиевич Битов стать кабинетным писателем? Маловероятно. При таком раскладе вряд ли сложилась бы его литературная судьба, были написаны сначала «Три путешествия» (1974), потом «Семь путешествий» (1976), затем «Книга путешествий» (1986), и всё это впоследствии вылилось

в битовскую «Империю в четырёх измерениях». Для писателя, склонного к перемене мест, нет лучшей доли, чем жизнь странника.

А. Битов, будучи ребёнком, формировался на идеалах конца XIX – начала XX века – это период, который смело можно назвать эпохой русских географических открытий в Центральной Азии, когда путешественники проходили самые сложные и труднодоступные места, и практически не осталось неисследованных территорий в этом регионе. Да, Битов мечтал стать путешественником, бредил другими странами, возвёл в кумиры географа и исследователя Центральной Азии Николая Пржевальского (1839–1888) и, само собой разумеется, был влюблён в Центральную Азию, её поэтический образ, который соответственно создали книги и рассказы Пржевальского. Сам же Николай Михайлович утверждал, что *«путешественником нужно родиться и иметь врождённое призвание к путешествиям»*. [1, с. 3]

Маленький Андрюша, которого не устраивали собственные имя и фамилия, *«подыскивал себе достойный псевдоним»* и докучал матери: *«Как стать великим путешественником, какие нужны качества... А у меня все это есть: путешественником я родился, страстно я увлекся, научно я подготовлюсь, характер я воспитаю, трудолюбие я разовью, а энергия – приложится...»* [2, с. 19]

Первые воспоминания детства – это ленинградская блокадная зима 1941–1942, потом вынужденное переселение на Урал, затем в Ташкент. *«...Мне было пять. Через всю взбаламученную войной страну мы пробирались к бабушке в Ташкент. Мы уходили от блокады»*. [3, с. 9] С Узбекистаном Битов связан самыми крепкими узами: его дедушка по материнской линии, Алексей Константинович Кедров (1859–1916), будучи петербуржцем в третьем поколении и дворянином, родил дочь от немки в имперском «подбрюшьё», как определяет это место Андрей Георгиевич, в Ташкенте, где возглавлял реальное училище до 1909 года. За заслуги эмир наградил деда бухарской золотой звездой. Битов, по воспоминаниям матери, зачатый в Грузии, родился в Ленинграде, но с неожиданными азиатскими чертами. Когда во время армянского путешествия художник Мартирос Сарьян спросил Андрея Георгиевича, русский ли он, Битов уверенно ответил «да», забыв о своей немецкой бабушке. В книге «Путешественник. Дубль» он пишет: *«Я тоскую по родным местам. Я – русский. Но вот в смысле природы я тоскую по Карелии. Детство... Родные имена: Вуокса, Метсала, Линтула, Сайя-йоки – чужой язык. А самой России – средней полосы – я не знаю вовсе. Пока не успел. Но от этого я кажусь себе не менее русским»*. [4, с. 120] Андрей Георгиевич вспоминает поездку в Азию, когда от станции к станции проступают приметы этой самой Азии, а обратно – приметы России. Россия для писателя начинается с этих примет, черт, которые особо заметны по возвращении на родину.

Теория

Так зарождаются Битовские путешествия по стране, в пределах границы, так называемого «железного занавеса». Советский путешественник – это особая категория, его нельзя назвать несвободным или ущербным, потому что СССР – крупнейшее государство в мире, но зарубежье познавалось только из «разрешённых» книг и журналов. Тут была своя

свобода, как на острове, потому что по А. Битову, *«остров есть самое свободное пространство, потому что – тюрьма»*. [5, с. 496] *«О несвободах в СССР сказано много, о свободах почти ничего, – пишет Битов в комментариях к книге «Путешествие из России: Измерение III». – Каждый зэк пользуется той свободой в зоне, какую себе отвоюет. Если Советский Союз представлял собою гиганскую зону на одной шестой части света, огороженную железным занавесом, то внутри неё ты мог передвигаться <...> свободно <...> Границ не было. Были закрытые приграничные зоны и секретные объекты, но и туда было не так трудно попасть с командировочным удостоверением; удостоверение же такое несложно было раздобыть в любой редакции. Таким образом, если ты не зэк и не колхозник (допустим, это была половина населения), то есть расконвоированный гражданин, то мог передвигаться по Империи с завидной лёгкостью»*. [6, с. 500] И «расконвоированный» А.Битов, лишённый возможности путешествовать по миру, воспользовался этой свободой сполна. Два мира, изученный и постигнутый (в первом – мы пробуем устроиться, изучая его снаружи, второй, постигая изнутри, мы стремимся описать), сошлись в одной подвижной точке – фигурке путешественника – и обрели гармонию.

Битов, которого никак нельзя назвать асоциальным, считает, что человек живёт границе двух сред – неба и моря, чувствуя на себе напряжение этой самой границы. *«Только птицы и рыбы знают, что такое одна среда. Они об этом, конечно, не знают, а – принадлежат. Вряд ли и человек стал бы задумываться, если бы летал или плавал. Чтобы задуматься, необходимо противоречие, которого нет в однородной среде, – напряжение границы. Мы живем в мире людей, родившихся один раз. Прошлому мы не свидетели, будущему – не участники»*. [7] Это то самое будущее в прошедшем, которое на английском звучит как Future Perfect in the Past, или, *«в русском приближении, позавчерашнее во вчерашнем <...>»*, когда *«богатейшие оттенки времени во взаимоотношениях множества абстрактных категорий передаются одним грамматическим – будущим: повесть есть, но её нет – она еще может быть написана»*. [8, с. 54] Может быть, именно в этой мятежности и есть загадка русской души? Тип странника так характерен для России, считал философ Николай Бердяев (1874–1948), ибо *«перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами... – писал он. – В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома...»* [9] Критик Лев Аннинский называет А. Битова *«странным странником»*, который не реализовался бы как писатель *«без своих изматывающих путешествий»*, и считает, что он *«больше путешествует по своей душе, чем по параллелям и меридианам. И всё-таки без реального странствия тут, похоже, ничего не выйдет. Не реализуется»*. [10]

За лейтмотив битовских странствий и единства с природой можно взять строки из его стихотворения «Пейзаж», которое было написано в Батуми в 1982 году; к тому времени он прошёл немало дорог, объехал немало союзных республик (а мечтал о Японии!):

*«Кто строит дом – не тот в дому живёт.
Кто создал жизнь – не ищет смысла жизни.
Мысль свыше – не сама себя поймёт.
Пускайся в путь – и в нём себя настигни...»*

Умонастроения А. Битова, определившиеся в самом начале жизни, его влечение к путешествиям, любовь к природе ярко отразились в почти во всех произведениях. Начав творческий путь со стихов, он перешёл к поэтическому реализму в прозе. И сейчас можно смело утверждать, что Битов – поэт пейзажа. Его описания природы наполнены гармонией и диалогом. И если кумир юного А. Битова – Пржевальский, следуя традициям, ставил задачами своих экспедиций наблюдение, описание, собирание коллекций, систематизацию, то начинающий писатель наблюдал, проходил разные стадии чувствования и описывал свои путешествия в литературных жанрах, показывая, как субъективность восприятия одерживает верх над любым знанием.

1957 год. Андрей Битов – студент Ленинградского горного института, а это – путешествия и исследования. Правда, за неуспеваемость он был отчислен, загремел в стройбат, прослужил год на Русском Севере, затем был восстановлен в институте. По итогам первой поездки, состоявшейся в 1960 году, рождается «Одна страна. Путешествие молодого человека». С этого начинается Битов-путешественник и его мистическая связь с природой.

Он зачастую испытывает боль, находясь в клетке города. *«То ли асфальт под ногою слишком твёрд, то ли обувь тесна, то ли рабочий день долог, то ли сетки оттянули руки»*, – пишет Битов в повести «Птицы, или Оглашение человека». [11, с. 11] И он бежит к природе. Всё чаще и охотнее. Словосочетание «я бежал» не раз встречается в творчестве Андрея Георгиевича. В поездках он чувствует, что такое сознательное пробуждение души, познаёт собственное влечение к красотам дикой природы, удивляется, что нужно было закончить школу и вуз в два приёма, стать тридцатилетним человеком, чтобы услышать, что то, *«что нас окружает и всегда окружало»*, [12, с. 16] умеет говорить. *«Приходит время, и бессвязные вещи начинают выстраиваться в ряд»*. [13, с. 16] В повести «Птицы, или Оглашение человека» Андрей Георгиевич вспоминает: *«После войны в озёрах и речках развелась рыба, леса стояли неистоптанные, грибные, ягодные, – мы ехали с отцом на велосипедах, и ничего встречного, ни души. Пустые песчаные дороги и птичий щебет. С какого же года на дачу стали выезжать все, все ходить за грибами и ягодами, все ловить рыбу? Конечно, постепенно, но и вдруг... Я помню это по электричкам, как они вдруг набились, переполнились – вдруг, в какой-то год; надо было десять лет с войны пережить, чтобы перестать съедать непременно вторую тарелку супа и считать такси разворотом; вдруг в какой-то год за город поехали все – 55-й? 56-й? Ведь всегда же можно было ездить за город, никто не запрещал – вдруг стало можно»*. [14, с. 16] В это же время на Западе, о котором Битов и его современники могли кое-что читать, происходили какие-то *«выверты, странности»*, люди бесились с жиру: *«кто-то не ел полгода, кто-то съел автомобиль, кто-то переплыл океан без воды и без еды на надувной лодке, кто-то полез в пещеры, кто-то в кратер, кто-то прошёл на руках всю Германию, кто-то, наконец, залез на Эверест, кто-то поплыл под парусами без руля и без вертил»*. [15, с. 16] Битов, не опускаясь до пафоса, проводит чёткое разграничение между русской нравственностью, в основе которой душа, и западной рассудочной моралью, такой далёкой и непонятной русскому человеку того периода.

Размышляя о диалоге природы и человека, который считает, что всё, чем он пользуется, имеет прямое к нему отношение, последнего писатель часто обвиняет в самонадеянности и нахальстве. И, как художник слова, Битов находит подтверждения этим качествам в языке, они, как «*новые свидетельства человеческого разбоя*», как «*отпечатки немых пальцев*»: «кладовая природы», «природные богатства», «покорение природы», «чёрное, белое (и ещё какое-то) золото» ... [16, с. 59]

Люди расширяют пространство, вписываются в пространство, справляются с ним, делая культурным («культурным» Битов выделяет курсивом): в места красивой и дикой природы обязательно «*просится храм, кремль, город*». В повести «Человек в пейзаже» Андрей Георгиевич пишет о «взаимном переходе», так сказать, «взаимном обрыве»: «*дикой природы – с одичавшей культурой, одичавшей культуры – с культурным пространством, культурного пространства – с разрушением, разрухи – с одичанием, одичания – с дикостью*». [17, с. 69] И тогда можно наблюдать «*мерзость запустения, как в разорённом культурном пространстве*». «*И ветер победно шуришит в помойке, бывшей когда-то храмом и кладбищем*». [18, с. 69] Битов удивляется миру, прогрессу и задаётся вопросом: насколько нужно было «*странным людям*» удалиться от природы, чтобы потом снова начать «*приручать львов, жить в волчьей, в обезьяньей стае, <...> хронометрировать процессы каменного века, изготовив себе орудия по их образу и удалившись от цивилизации*». [19, с. 17] Но тут пробуждается зависть: кто-то вырвался, когда другие вкалывают. Да, человек стал заложником, бегство требует времени, свободного времени. У А. Г. Битова со временем особый диалог, писатель говорит о единстве и гармонии человека, природы и времени: «*Время – тоже живое существо; ему тоже хочется прожить своей жизнью... Бывает такое время, когда человечество живёт как один человек, – в каком-то смысле это и есть Время. Тогда оно вместе старится, вместе радуется, вместе понимает*». [20, с. 17]

Андрей Георгиевич, являясь человеком своего времени, своего поколения, размышляет о науке, его «*охватывает небольшой смех при представлении о том, какой бесформенный, криво и косо обгрызенный познанием кусок сохраним мы в своей голове как представление о реальности*». [21, с. 25] Некоторые научные мысли ассоциируются у него с хаотическим полётом моли, а современная экология кажется ему даже не наукой, а реакцией на неё. И тогда он взывает к необъяснимому, метафизическому, так сказать, «*антинауке, которая чтит природу*». «*Духовный смысл научного открытия не в расширении сферы познания, а в преодолении её ограниченности, – пишет он. – Посмотреть под ноги, а затем в небо – вот первый научный метод*». [22, с. 25] Например, человек может выучить, вызубрить из снобизма все имена мышей и травинки и быть, по определению А.Г. Битова, искусственным со своим натурализмом. Между тем, можно знать слово «зяблик», но не мочь отличить его от любой другой птицы; подобное «незнание» не мешает А.Г. Битову «*немо и молитвенно упиваться природой*», не разочаровывая душу подделкой. [23, с. 38]

Заключение

В попытке разрешить вопросы дисгармонии и гармонии мироздания, Андрей Георгиевич Битов часто «сокращает» персонажи: если можно сделать из двух одного, он это с лёгкостью

делает. Но его герой никогда не одинок, если находится в контакте с природой, считает себя её частью. Мировоззренческая доминанта для А.Г. Битова в созидающем начале природы, которая выступает отдельным героем его произведений, живым, ярким и контактным, и гармонии, когда «всяк должен следовать своей природе» – волк должен быть кровожадным, фиалка нежной, а человек благодарным, ибо «за труд под солнцем бывает и воздание», и «не следует ни недооценивать, ни переоценивать его размеров». [24, с. 69]

References:

1. Przheval'skiy N. M. Ot Kyakhty na istoki Zholtoy reki. Issledovaniye severnoy okrainy Tibeta i put' cherez Lob-Nor po basseynu Tarima [From Kyakhta to the sources of the Yellow River. Study of the northern outskirts of Tibet and the path through Lob-Nor through the Tarim basin]. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva Publ., 1888. 560 p. (in Russian).
2. Bitov A.G. Puteshestvennik: Dubl' [Traveler: Double]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2004. 240 p. (in Russian).
3. Bitov A.G. Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 1. Povesti i rasskazy [Collected works: in 3 volumes. Vol.1. Novels and Stories]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 575 p. (in Russian).
4. Bitov A.G. Puteshestvennik: Dubl' [Traveler: Double]. Moscow, Fortuna Limited Publ., 2004. 240 p. (in Russian).
5. Bitov A.G. Puteshestviye iz Rossii: Imperiya v chetyrokh izmereniyakh. Izmereniye III: povesti-puteshestviya [Traveling from Russia: Empire in four dimensions. Dimension III: travel stories]. Moscow, Astrel Publ., 2013. 505 p. (in Russian).
6. Bitov A.G. Puteshestviye iz Rossii: Imperiya v chetyrokh izmereniyakh. Izmereniye III: povesti-puteshestviya [Traveling from Russia: Empire in four dimensions. Dimension III: travel stories]. Moscow, Astrel Publ., 2013. 505 p. (in Russian).
7. Bitov A.G. BIRDS, or New information about a human, 1971, 1975. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/6541/114/Bitov_-_Kniga_puteshestviii_po_Imperii.html (in Russian).
8. Bitov A.G. Bitva [Battle]. Moscow, ArsisBooks Publ., 2009. 120 p. (in Russian).
9. Berdyayev N. A. The Destiny of Russia. Available at: http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt_with-big-pictures.html (in Russian).
10. Anninskiy L. A. Strange wanderer. Available at: http://www.e-reading.club/chapter.php/6541/193/Bitov_-_Kniga_puteshestviii_po_Imperii.html (in Russian).
11. Bitov A.G. Oglashonnyye: Imperiya v chetyrokh izmereniyakh. Izmereniye IV [Announced: Empire in four dimensions. Dimension IV]. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, TKO ACT publ., 1996. 1996. 319 p. (in Russian). 12 – 24. Ibidem.

Information about the author:

Elena A. Shuvaeva-Petrosyan (Moscow, Russia). Postgraduate student of the Literary Institute after A. M. Gorky, member of the Writers' Union of Armenia, editor-in-chief of GORA Magazine. E-mail: lena478@mail.ru